

ЧЁРНЫЙ ПИАР НА ЧЁРНОЙ РЕЧКЕ

Николай Скатов,
*член-корреспондент РАН,
Санкт-Петербург*

**И вы не смоете всей вашей
чёрной кровью**

Поэта праведную кровь

М. Лермонтов

В 1836–1837 годах была проведена одна из самых гнусных операций, подобных тем, что в наше время получили название «чёрный пиар». Жертвой пал Пушкин — человек, ставший чуть ли не синонимом целой России, уже тогда и сам меривший себя именно этой мерой: «Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой».

А уже потом чёрнопиаровская эта затея, вольно или невольно, многократно многие годы и многими усилиями многих — а в наши дни ещё и дополнительно — закрепились: особенно после ставших известными писем Дантеса к Геккерну. Недавно эти письма вместе с рядом сопутствующих документов собраны и изданы итальянской исследовательницей Сереной Витале

и научным сотрудником Пушкинского дома Вадимом Старком в книге «Чёрная речка. До и после».

Силуэт-рисунок на суперобложке представлен вверх ногами. И он действительно точно зафиксировал сложившееся у многих восприятие всей этой истории: вверх ногами.

В результате — пусть даже при некотором упрощении — расстановка фигур, поставленных вниз головой, выглядит так.

Пушкин — травимый и почти затравленный «сочинитель», к тому же погрязший в долгах, чуть ли не в унижение произведённый в камер-юнкеры. К тому же уже немолодой, очень некрасивый и очень ревнивый муж.

Жена Наталья Николаевна — очень молодая (моложе мужа на двенадцать лет) и очень красивая. Довольно равнодушная ещё к жениху и вполне равнодушная к трудам и заботам уже мужа, но очень

неравнодушная к нарядам, придворным балам и светским успехам. Естественно, увлѣкшаяся, как только появился достойный герой-любовник.

Дантес — достойный герой-любовник, блестящий француз на русской службе, молодой красавец кавалергард, остроумный и обаятельный общий любимец — особенно дам. К тому же — что прибавило всякого весу — усыновлённый нидерландским посланником бароном Геккерном.

Роман (хотя роман и не вполне, — кажется, жена всё-таки остаётся верна мужу) становится известен. Свет не дремлет. Муж-рогоносец получает анонимное издевательское письмо. В порыве ревности вызывает соперника на дуэль. И — погибает. При почти злорадном молчании власти и чуть ли не при сочувствии, если не участия, царя. Помещено тело Пушкина не в Исаакиевском соборе, а почти тайно в заштатной Конюшенной церкви и просто тайно увезено в Святые Горы.

Поставленная с головы на ноги многими усилиями не столь уж многих картина выглядит, однако, иначе.

Пушкин — центральное явление уже тогдашней русской интеллектуальной общественной и государственной жизни. «1834 и 1835 годы, — писал ещё по горячим следам его первый биограф П.В. Анненков, — замечательны в жизни поэта нашего... Мы знаем, что в это время находился он в сношениях со всеми знаменитостями светского, дипломатического, военного и административного круга...»

Александр Блок в конце своей жизни сказал, что Пушкина убила вовсе не пуля Дантеса. Его убило отсутствие воздуха. С ним умирала его культура. В сущности, Блок говорил не о Пушкине, а о себе.

Сам Пушкин думал об ином. После некоторого спада он испытал небывалые силы, творческий взлёт. Буквально за три дня до смерти он говорил Далю: «Я буду ещё много работать. О, вы увидите, как я ещё много сделаю». А уже после гибели Пушкина Мицкевич пишет: «Я ожидал, что вскоре явится он на

сцене человеком новым, в полном могуществе дарования своего, созревшим опытностью, укреплённым в исполнении предначертаний своих».

«Пушкину было тридцать семь лет, — напишет почти через двадцать лет критик Дружинин, — а его прошлая деятельность представлялась даже его близким друзьям деятельностью полною, почти законченною, совершенно соразмерною со способностями, в нём таившимися. Пламеннейшие из читателей поэта, говоря друг другу «сколько

песен унёс он с собою в могилу», имели в виду песни, подобные прежним песням Пушкина, о песнях мировых, перед которыми побледнели бы песни пушкинской молодости, едва ли кто решался ду-

мать... Он заканчивал свою деятельность как великий поэт одной страны, и начинал свой труд как великий поэт всех веков и народов».

Пушкин любил, хотя и не очень ценил, царя. Царь не очень любил, хотя и очень ценил, Пушкина — «умнейшего», по его словам, человека России, безусловное влияние которого в ряде отношений испытывал и сам.

Гибель Пушкина князь В. Одоевский горько-патетично сравнил с закатом солнца, а царская дочь Ольга трезвее, но точнее назвала её «общественной катастрофой!». Конечно, власть принимала во избежание общественного взрыва полицейские меры. Но тот же перенос тела в Конюшенную церковь не был знаком какого-то пренебрежения, как это часто

понимается. Даже в О. Манделштаме здесь взволнованный поэт побеждает безусловного знатока культуры: «Мраморный Исаакий — великолепный саркофаг — так и не дождался солнечного тела поэта. Ночью положили солнце в гроб, и в январскую стужу проскрипели полозья саней, увозивших для отпевания прах поэта».

«Великолепный саркофаг» действительно не дождался тела поэта, а вернее, тело не дождалось этого саркофага: ведь «мраморный Исаакий» закончат строительством только через двадцать лет, и в 1837 году Исаакий тогда был скромным приходом, помещавшимся в здании Адмиралтейства. А вот «о Конюшенной же церкви, — как написал В.А. Жуковский, — нельзя было и подумать: она придворная и на отпевание в ней следовало получить особенное позволение». Тем не менее именно в ней отпевали поэта шесть священников во главе с архимандритом. При стечении всей знати, почти всего дипкорпуса. По сообщению одного из дипломатов, богослужение было совершено по греческому, то есть православному, обряду «с величайшей торжественностью».

Само имя Пушкина ещё при жизни его — почти миф, живая легенда. «Трудно себе вообразить, — писал граф В.А. Соллогуб, — что это был за энтузиазм, за обожание толпы... Это имя волшебное являлось чем-то лучезарным в воображении всех русских».

Вообще влияние Пушкина было огромно. Но потому же следовали и цензурные ограничения, запреты на выезд за границу и негласные полицейские надзирания. На поэта накатывались волны восхищения, осуждения, обожания, сплетен и мстительности. Обожанию одних прямо соответствовала ненависть других. А среди этих других были и министр С.С. Уваров, и зловещий салон М.Д. Нессельроде, по характеристике князя П.П. Вяземского, «представительницы космополитического олигархического ареопага», едва умевшей

говорить по-русски.

«Я имею несчастье, — горько пошутил однажды Пушкин, — быть человеком публичным, и, знаете, это хуже, чем быть публичной женщиной».

Почва для вбрасывания чёрной пиаровской технологии была взрыхлена загодя и только ждала семени.

Пушкин женился на одной из самых замечательных женщин России. Сейчас уже ясно доказано, что она получила и хорошее по меркам времени образование, и занималась делами мужа, и оказалась заботливой матерью: четверо детей (за шесть лет замужества) — почти постоянно беременна. Наталья Николаевна была человеком глубочайшей религиозности. Часто тяготилась и светскими обязанностями. Хотя сами по себе дань некоторым удовольствиям такой публичной жизни, желание иметь успех (прежде всего за счёт, по словам мужа, «милого, простого, аристократического тона») и быть красиво одетой (прежде всего стараниями обожавшей её тетки Н. Загряжской) естественны.

По всему этому естественно, что вопреки тревожным ожиданиям поэта перед женитьбой семейная жизнь сложилась на редкость счастливо. «Я женат и счастлив», — пишет Пушкин при начале такой жизни. «Мы хорошо сделали, что женились», — пишет он ближайшему другу в самом, как оказалось, её конце. Не всё сложилось, как думалось. Так, ревность одолевала не мужа («ты

знаешь, я не ревнив», — пишет он жене), а — тому много свидетельств — жену. Тем более что Пушкин имел, как правило, успех у женщин, видимо, никак не меньший, чем она у мужчин, и должен был постоянно успокаивать её на этот счёт тревоги. Жена оказалась верной и любящей женой; такой же осталась и вдовой: во второй раз выйдет замуж не через быстрых два года, как завещал Пушкин, а через долгих семь лет — да и здесь всё решат отношение к пушкинским детям и забота о них. В новом браке прибавится трое детей. Так что святое и чистое материнство, Мадонну, Пушкин точно усмотрел в Гончаровой — ещё почти девочке.

Позднее Наталья Николаевна, уже будучи женой, станет толковым помощником и в переписывании, и в переговорах, и в попытках достать деньги через тот же Полотняный завод. Как раз в связи с переговорами о поставках бумаги она пишет письмо брату в апреле 1836 года: «Ты не можешь пожаловаться, не правда ли, что я плохой комиссионер, потому что как только он мне поручает какое-нибудь дело, я тотчас стараюсь его исполнить и не мешкаю тебе сообщить о результатах моих хлопот. Следовательно, если у тебя есть какие ко мне поручения, будь уверен, что я всегда приложу всё мое усердие и поспешность, на какие только способна».

Наконец, и просто готовность создавать мужу условия для работы.

Летом 1836 года она просит брата о помощи: «Ты знаешь, что пока я могла обойтись без помощи из дома, я это делала, но сейчас мое положение таково, что я считаю даже своим долгом помочь моему мужу в том затруднительном положении, в котором он находится; несправедливо, чтобы вся тяжесть содержания моей большой семьи падала на него одного. Я тебе откровенно признаюсь, что мы в таком бедственном положении, что бывают дни, когда я не знаю, как вести дом. Голова у меня идёт кругом. Мне очень не хочется беспокоить мужа всеми своими мелкими хозяйственными хлопотами, и без того я вижу, как он печален, подавлен, не может спать по ночам и, следовательно, в таком настроении не в состоянии работать. Мой муж дал мне столько доказательств своей деликатности и бескорыстия, что

будет совершенно справедливо, если я со своей стороны постараюсь облегчить его положение... Я прошу у тебя этого одолжения без ведома моего мужа, потому что если он узнает об этом, то несмотря на стеснённые обстоятельства, в которых он находится, он помешал бы мне это сделать».

Пушкин недаром писал, что у неё пречуткое сердце и что душу её он любит ещё больше, чем её прекрасное лицо, а после известных преддзельных событий был к ней ещё нежнее. Поверим же Пушкину.

Как и на поэта, в обществе на неё тоже неизбежно обрушился шквал обожаний, сплетен, восторгов, зависти, комплиментов и злоречий. «Бедная моя Натали, — с горечью пишет Пушкин, — стала мишенью для ненависти света». И мишенью, может быть, ещё более уязвимой, чем он. «Вы слишком чистосердечны, — скажет позднее князь П.А. Вяземский, — слишком естественны, мало предусмотрительны» (!).

Конечно, в этом чистосердечии и непредусмотрительности она была беззащитна перед адскими, как назвал их тот же П.А. Вяземский, кознями. Почва была заготовлена и ждала своего часа.

Наконец — Дантес.

Замечательно, что во всей этой трагической истории многие доверились организаторам чёрного пиара (о нём ниже), а не величайшим русским душезнатцам Пушкину и Лермонтову. А ведь именно

они точно определили Дантеса: его человеческую суть и мотивы поведения. Пушкин: «...разыгрывал преданность и несчастную любовь, тогда как он просто плут и подлец». Лермонтов: «пустое сердце... на ловлю счастья и чинов».

Прекрасно, что письма Дантеса найдены и опубликованы. Лучшего доказательства этих характеристик не придумаешь. Всё, что в них есть, это злорадные сплетни, мелочные расчёты, холодные карьерные заботы. К тому же человека малограмотного. «Перевод писем на русский, — сообщают издатели, — затруднён», так как язык оригинала «сбивчив, подчас бессвязен и далёк от литературной грамотности». «Человек расчётливый и сухой до крайности» — таков Дантес по определению Н. Раевского. «Человек практический», приехавший в Россию «сделать карьеру», — по характеристике П.П. Вяземского.

И вдруг со стороны такого человека, такого «пустого сердца» — порыв страсти, увлечение, безумная любовь, о которой сейчас уверенно и постоянно пишут в книгах и статьях. Всё это легенда — запущенная тогда, живущая сейчас и получившая новую силу после опубликованных писем Дантеса. В чём дело?

Известный стих — обвинение Лермонтова: «наперсники разврата» — не отвлечённая звонкая фраза. Не всё можно понять, если не учитывать одно обстоятельство, выделявшееся даже на фоне очень свободных нравов тогдашней светской жизни.

«Старик барон Геккерн, — свидетельствует не единственный современник, — был известен своим распутством, он окружал себя молодыми людьми наглого разврата». «Старик», «старичок» (уже по словам Пушкина) всё же довольно условный: 45 лет. А пережил он нашего поэта почти на 50 лет. П.В. Анненков ещё по горячим следам и свидетельствам современников прямо записал: «Геккерн был педераст, ревновал Дантеса». Это открывает кое-что в истории усы-

новления Дантеса Геккерном: Пушкин недаром называет его «так называемым сыном», а Серена Витале пишет: «Чувство Геккерна к Дантесу можно выразить и французским словом *paternage* — свойственное всем гомосексуалистам желание быть отцом». Кстати, как это явствует из приведённых документов, и в истории «усыновления» они плутовали и вводили в заблуждение русский двор: как осторожно пишет исследовавший это дело Франс Суассо, «не были чересчур щепетильны в отношении закона и истины».

Так что письма Дантеса Геккерну — это письма любовника. И вот Дантес сообщает Геккерну о своей влюблённости: «...я безумно влюблён! Да, безумно, потому что совершенно потерял голову. Я не назову тебе её, ведь письмо может пропасть, но вспомни самое прелестное создание в Петербурге, и ты узнаешь имя; самое же ужасное в моём положении, что она тоже любит меня, однако встречаться мы не можем, и до сих пор это невозможно, так как муж возмутительно ревнив (...) Господом заклинаю, никому ни слова, никаких расспросов, за кем я ухаживаю (...) Любить друг друга и не иметь иной возможности признаться в этом, кроме как между двумя ритуриделями контрданса, ужасно». Всё в этом отдающем убогой литературщиной письме — ложь.

Никакой возмутительной ревности мужа не было. «Поведение вашего сына, — писал Пушкин, — было мне полностью известно уже давно». Никаких «попыток разузнавать» не требовалось. Все, включая мужа, и так знали об этих ухаживаниях. Более того, Дантес не только не скрывал, а всячески демонстрировал везде свою якобы тайную страсть, стремясь выделиться на фоне общего поклонения и обратить внимание на своё якобы особое положение. «Его страсть к Натали, — писала сестра поэта Ольга Сергеевна, — не была ни для кого тайной. Я прекрасно знала об этом и я тоже над этим подшучивала».

Роман с видной представительницей света обычно входил тогда в джентльменский набор молодого льва. А здесь — красавица, петербургская легенда, жена Пушкина. Для «сухого до крайности» и «расчётливого» Дантеса и это входило в расчёт при «ловле счастья и чинов» и было бы редким везением и удачей. В то же время это и способ подогреть ревнивого отъехавшего любовника. Вместе с тем важно не переиграть: ведь он — содержанка «старика». И отсюда постоянные нежности. «До свиданья, дорогой друг, будь снисходителен к моей новой страсти, потому что тебя я также люблю от всего сердца». Или: «...ты единственный, кто равен ей в моём сердце: когда я не думаю о ней, то думаю о тебе; однако не ревнуй, мой драгоценный, и не злоупотреби моим доверием: ты останешься навсегда, что же до неё, время произведёт своё действие и изменит её, и ничто не будет напоминать ту, кого я так любил, тогда как к тебе, мой драгоценный, каждый новый день привязывает меня всё сильнее...» Ещё: «Едиственный поцелуй в щеку, но не более, потому что остальное мне хочется подарить тебе по приезде». И подчас готовность регулировать «порыв страсти»: «жертва, принесённая ради тебя, огромна», для этого «надобно любить так, как я тебя». И даже полная готовность вообще от такого порыва страсти отказаться и «излечиться к твоему возвращению».

А уж когда открываются виды на выгодный брак, то опять-таки безумная влюблённость немедленно пропадает. Княжне М. Бярятинской, как и многим, Дантес нравился. Вообще, по словам Данзаса, Дантес «при довольно большом росте и приятной наружности был человек неглупый и хотя весьма скудно образованный, но имевший какую-то врождённую способность нравиться». «Он, — записывает княжна в дневнике, — забавляет меня, вот и всё». Но что касается женитьбы: «Я чувствовала бы себя несчастнейшим существом, если бы должна была выйти за него замуж (...) И мама узнала через Тр(убецкую), что его отвергла г-жа Пушкина. Может быть, поэтому он и хочет жениться».

Г-жа Пушкина его «отвергла», несмотря на усиленные ухаживания, любовные записки и т.п. Нравился ли он ей? Нравился. По словам В.Ф. Вяземской, Наталья Николаевна

«и не думала скрывать, что ей приятно видеть, как в неё влюблен красивый и живой француз». По словам самой Натальи Николаевны: «мне с ним просто весело». Вот и всё.

И странно думать, что неизменно сдержанная, холодноватая Наталья Николаевна (кстати, в эту пору на шестом месяце очередной беременности) вдруг начала между двумя ритуальными танца так объясняться Дантесу: «Я люблю вас так, как никогда не любила, но не просите большего, чем моё сердце, ибо всё остальное мне не принадлежит, а я могу быть счастлива, только исполняя все свои обязательства, пощадите же меня и любите всегда так, как теперь, моя любовь будет вам наградой».

И странно сейчас читать в современной газете у В. Радзишевского, талантливого журналиста и образованного литератора: «Через сто лет снова зазвучали слова жены Пушкина, обращённые к Дантесу... И выгораживать Наталью Николаевну больше не получается».

Да не слова это Пушкиной, обращённые к Дантесу, а слова Дантеса, обращённые к любовнику.

Отказ, выглядевший в глазах самоуверенного и наглого Дантеса как поражение и могущий выглядеть в глазах любовника, на содержании которого он находился, как унижение, и заставил, спасая лицо, делать на нём хорошую мину и вести к выдумке о разделённой, но тайной любви, о бешено ревнивом муже и тому подобной чепухе.

Но уже не чепухой были возобновлённые осенью 1836 года новые домогательства, включившиеся в общий контекст «адских», если вспомнить слова Вяземского, козней против Пушкина и его жены. И здесь ненавидящий Пушкина Геккерн рядом с Дантесом. «Супружеское счастье и согласие, — сказал сразу после гибели Пушкина тот же

П.А. Вяземский, — было целью развратнейших и коварнейших покушений двух людей, чтобы опозорить Пушкиных».

Увы, не только двух. «Посланник, — резюмировала историю противоположных козней в книге «Пушкин в 1836 году»

С.Л. Абрамович, — поддерживал тесные контакты с министром иностранных дел (Нессельроде. — Н.С.) и его супругой.

Он был постоянным посетителем их салона и знал, что получит здесь поддержку в затеянной им интриге».

Унизить и растоптать её для того, чтобы превратить в посмешище его: сделать рогоносцем и ославить. Видимо, полагали, что следовало прежде всего и во что бы то ни стало добиться её «взаимности». Вот как разыгрывается один из эпизодов интриги с якобы случившимся накануне у Дантеса приступом любовной лихорадки в характернейшем наставлении-письме Дантеса Геккерну: «Ты расскажешь о том, что было со мной вчера и произошло по возвращении, так, словно ты был свидетелем: будто мой слуга перепугался и прибежал разбудить тебя в два часа ночи, ты меня долго расспрашивал, но так и не смог от меня добиться, и что ты убеждён, что у меня произошла ссора с её мужем, а к ней обращаешься, чтобы предотвратить беду (мужа там не было). Это только докажет, что я не рассказал тебе о том вечере, а это крайне необходимо, ведь надо, чтоб она думала, будто во всём, что касается её, я таюсь от тебя и ты спрашиваешь её лишь как отец, принимающий участие в её сыне; и тут было бы недурно в разговоре намекнуть ей, будто ты убеждён, что отношения у нас были близкие, чем на самом деле (...) она ни в коем случае не должна заподозрить, что этот разговор подстроен, пусть видит в нём лишь вполне естественное чувство тревоги за моё здоровье и будущее и настоятельно потребуй сохранить его в тайне от всех и особенно от меня. Однако будет, пожалуй, куда осмотрительней, если ты не сразу попросишь её принять меня, ты можешь это сделать

Les Grands Croix Commandeurs et Chevaliers du Sérénissime Ordre des Cocus réunis en grand Chapitre sous la présidence du vénérable grand-Maître de l'Ordre, S. E. L. Narychkine, ont nommé à l'unanimité Mr Alexandre Pouchkine coadjuteur du grand Maître de l'Ordre des Cocus et historiographe de l'Ordre.

Le secrétaire perpétuel: Cte J. Morik

Пасквиль, присланный графу М.Ю. Вильегорскому

в следующий раз... Если бы ты сумел вдобавок припугнуть её и внушить, что...» (далее зачёркнуто).

В своё время Анна Андреевна Ахматова полагала, что у Дантеса с течением времени вместо увлечения возникла ненависть к Наталье Николаевне Пушкиной.

В ход пошло всё: запугивание, угрозы, шантаж. Наконец была разработана пиаровская, уже чёрная, в точном смысле слова, акция — совсем не в январе 1837 года, а, как считает С.Л. Абрамович, 2 ноября 1836 года.

Наталью Николаевну обманном путём залучили в квартиру её «приятельницы» Идалии Полетики. «Приятельницы» дома не оказалось. Но зато оказалась Дантес, который достал пистолет и, угрожая самоубийством, просил, даже требовал ему отжаться. Пушкина стала громко говорить, собственно, звать на помощь. На шум явилась дочь хозяйки. Наталья Николаевна уехала. Опять розыгрыш, но уже

розыгрыш-шантаж. То есть, по словам Пушкина, плут и подлец снова разыгрывал преданность и несчастную любовь. Никакого самоубийства, естественно, не произошло, так как и никакой несчастной любви не было.

Дело, однако, отнюдь не ограничивается розыгрышем-шантажом плута и подлеца. Вяземский недаром сказал об адских кознях против Пушкина и его жены. 4 ноября Пушкин и ещё несколько человек из его окружения получили издевательскую анонимку с причислением поэта к ордену рогоносцев.

С позиций плутовства, подлости и разыгрываний бароны и, вероятно, стоявший за ними глубоко эшелонированный фронт действовали безукоризненно точно. Весь расчёт делался на то, что, в сущности, под угрозой пистолета происходит «падение» жены Пушкина, и тогда документ-письмо не остаётся клеветническим наветом, а приобретает неотразимо правдивый характер.

Однако Пушкины тоже действовали безукоризненно точно, но уже с позиций любви, доброй воли и доверия. «Хотя, — писал царь своему брату, — никто не мог обвинить жену Пушкина, столь же мало оправдывали поведение Дантеса, в особенности его гнусного отца... Признание поведения Геккерна справедливо и заслуженно, он точно вёл себя как гнусная каналья. Сам сводничал Дантесу в отсутствие Пушкина, уговаривая жену его отдать Дантесу, который будто умирал к ней любовью. Жена Пушкина открыла Пушкину всю гнусность поведения обоих».

«Это, — пишет своему «отцу» Геккерну ошеломлённый Дантес, — страшная неосторожность либо безумие, которого я к тому же не понимаю, равно как и того, какова была её цель». С позиций плута и подлеца, если ещё раз вспомнить точные определения Пушкина, такое поведение женщины, конечно, непонятно.

Любопытен ещё один, позднейший, уже после дуэльный эпизод. Геккерн пишет только что высланному «сыну»: «Офицер G хотел меня видеть: Боже мой, Жорж, что за дело оставил ты мне в наследство! А всё недостаток доверия с твоей стороны. Не скрою от тебя, меня огорчило это до глубины души; не думал я,

что заслужил от тебя такое отношение». «Имя офицера, которому, скорее всего, Дантес остался должен, — пишут наши комментаторы, — установить не удалось (...) Однако сама ситуация лишней раз характеризует Дантеса».

Но вернёмся назад.

Пушкин вызвал Дантеса на дуэль. Бароны пришли в ужас. И выскулили отсрочку, а потом отказ от дуэли. Дантес женился на Екатерине Николаевне Гончаровой.

Е.Н. Гончарова.
(1809–1843)

Возможно, без большого насилия над собой. Частичные подтверждения тому, что она была его любовницей и уже понесла ребёнка, есть в обращённых к ней письмах Дантеса. И хотя она была старше Дантеса, брак не был каким-

то мезальянсом: хорошая фамилия, фрейлина императорского двора. Объективно и фатально на новую дуэль работал только чёрный пиар. Субъективно новой дуэли не хотел никто.

Не хотел Пушкин: он думал об ином, общественном, публичном наказании мерзавцев: «Дуэли мне уже недостаточно». Это он неоднократно писал и говорил.

Не хотели Геккерны: ведь с «ловлей счастья и чинов» было бы покончено. Уже при угрозе первой дуэли Геккерн увидел «всё здание своих надежд разрушенным до основания».

Не хотел царь: и потому взял с Пушкина слово больше не ввязываться в дуэль. Пушкин перед смертью и просил у царя прощения, что нарушил его.

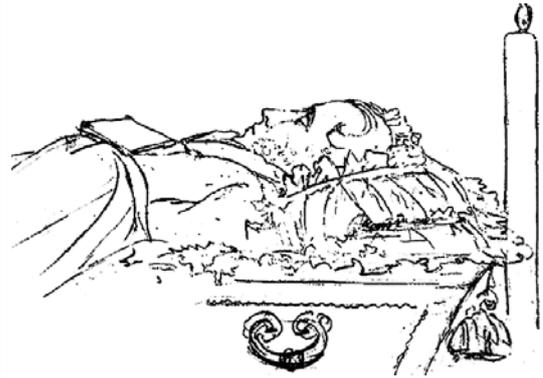
Но видимо, последнее обстоятельство и сыграло роковую роль. Явно через Екатерину прознавшие о данном слове бароны, уверенные в безнаказанности, охамели, провоцируя и распуская в обществе новые сплетни. Наконец Дантес опустил до прямых оскорблений жены Пушкина, до мерзости, говоря словами самого Пушкина. Дело действительно было публичным. Пушкиным уже было сказано: «Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой». И этот слух не мог быть оскорблён никакими иными слухами.

Чёрный пиар, если угодно, противостоял белому. И это не было казусом, частным делом ревнивого мужа.

И молодой Лермонтов допустил в своих знаменитых стихах лишь одну неточность: «добыча ревности глухой». Возможно, здесь оказавшись во власти «мнений света». И лишь при последнем отъезде на Кавказ, после одного разговора с Натальей Николаевной, как сообщает Арапова, сказал, упрекая себя в близорукости: «Я чуждался Вас, малодушно поддаваясь враждебным влияниям... Но когда я вернусь, я сумею заслужить прощение». Он не вернулся.

Вызов на дуэль оказался для Пушкина единственным в этот момент мужественным выходом, общественно значимым актом — защитой его человеческого и национального достоинства как главного представителя Рос-

сии. Ревности не было, и вера в невиновность жены была. Но поэт отвечал, как сообщает П.А. Вяземский великому князю Михаилу Павловичу, что ему этого недовольно, «что он принадлежит России и хочет, чтобы его имя осталось незапятнанным везде, где его знают».

Пушкин на смертном одре.
Рисунок В.А. Жуковского. 1837

Но продолжают жить обдуманно злокозненные легенды о небывалой любви Дантеса к Пушкиной, и о небывалой тайной любви Пушкиной к Дантесу, и о бессмысленной гибели потрясённого открытием такой любовью ревнивого мужа. И вновь и вновь накатываются возникшие тогда волны чёрного пиара, и вновь и вновь проступает сквозь них праведная кровь поэта.